

Что же это за химера — человек? Какая невидаль, какое чудовище, какой хаос, какое поле противоречий, какое чудо! Судья всех вещей, бессмысленный червь земляной, хранитель истины, сточная яма сомнений и ошибок, слава и сор Вселенной.

Блез Паскаль. Мысли*

---

* Перевод Ю. Гинзбург.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Бессмертное солнце ума II

ПРЕДИСЛОВИЕ 17

ГЛАВА 1

Другая страна 27

Доисторический период 28

Гомеровская Греция 30

Еврейская Библия 33

Римская империя и раннее христианство 40

Средневековые рыцари 46

Европа на заре Нового времени 47

*Честь в Европе и в США
в период становления американского государства* 51

Двадцатый век 53

ГЛАВА 2

Процесс усмирения 62

Логика насилия 62

Насилие у предков человека 69

Виды человеческих обществ 73

Уровень насилия в государствах и догосударственных обществах 81

Цивилизация и ее недостатки 92

ГЛАВА 3

Цивилизационный процесс 95

Сокращение числа убийств в Европе 97

*Причины сокращения
числа убийств в Европе* 101

Насилие и классы 120

Насилие в мире 125

<i>Насилие в США</i>	132
<i>Децивилизация 1960-х</i>	150
<i>Процесс повторной цивилизации (рецивилизация) в 1990-х</i>	162
ГЛАВА 4	
Гуманитарная революция	179
<i>Убийства из суеверия: человеческие жертвоприношения, колдовство и кровавый навет</i>	185
<i>Убийства из суеверия: расправы над святотатцами, еретиками и вероотступниками</i>	191
<i>Жестокие и необычные наказания</i>	198
<i>Смертная казнь</i>	203
<i>Рабство</i>	207
<i>Деспотизм и политическое насилие</i>	214
<i>Большие войны</i>	218
<i>Откуда взялась Гуманитарная революция?</i>	226
<i>Рост эмпатии и уважения к жизни человека</i>	234
<i>Государство словесности и гуманизм Просвещения</i>	237
<i>Цивилизация и Просвещение</i>	245
<i>«Кровь и почва»</i>	248
ГЛАВА 5	
Долгий мир	251
<i>Статистика и повествование</i>	252
<i>Действительно ли XX столетие было самым ужасным?</i>	256
<i>Статистика кровопролитных конфликтов, часть 1: датировка войн</i>	264
<i>Статистика кровопролитных конфликтов, часть 2: магнитуда войны</i>	277
<i>Динамика войн между великими державами</i>	291
<i>Динамика европейских войн</i>	298
<i>Гоббсовский фон и Эпохи династий и религий</i>	302
<i>Три течения Эпохи суверенитетов</i>	306
<i>Идеологии Контрпросвещения и Эпоха национализма</i>	309
<i>Гуманизм и тоталитаризм в Эпоху идеологий</i>	317
<i>Долгий мир в цифрах</i>	323
<i>Долгий мир: настроения и события</i>	330
<i>Долгий мир — ядерный мир?</i>	346
<i>Долгий мир — демократический мир?</i>	358
<i>Долгий мир — либеральный мир?</i>	366
<i>Долгий мир — кантианский мир?</i>	371

ГЛАВА 6	
Новый мир	379
<i>Динамика войн в других регионах мира</i>	382
<i>Динамика геноцида</i>	410
<i>Динамика терроризма</i>	437
<i>Куда ангелы боятся заглянуть</i>	458
ГЛАВА 7	
Революции прав	479
<i>Гражданские права,</i> <i>исчезновение судов Линча и расовых погромов</i>	484
<i>Права женщин и сокращение числа изнасилований и избиений</i>	498
<i>Права детей, убийства младенцев, телесные наказания,</i> <i>жестокое обращение с детьми и школьная травля</i>	523
<i>Права геев, сокращение гомофобии</i> <i>и декриминализация гомосексуальности</i>	560
<i>Права животных и снижение жестокости</i>	570
<i>Источники революций прав</i>	594
<i>От истории к психологии</i>	601
ГЛАВА 8	
Внутренние демоны	602
<i>Темная сторона</i>	603
<i>Морализаторский разрыв и миф о существовании чистого зла</i>	610
<i>Органы насилия</i>	621
<i>Хищничество</i>	635
<i>Доминирование</i>	642
<i>Мсть</i>	660
<i>Садизм</i>	681
<i>Идеология</i>	692
<i>Чистое зло, внутренние демоны и спад насилия</i>	708
ГЛАВА 9	
Добрые ангелы	711
<i>Эмпатия</i>	714
<i>Самоконтроль</i>	736
<i>Новейшая биологическая эволюция?</i>	761
<i>Мораль и табу</i>	774
<i>Разум</i>	799

ГЛАВА 10	
На крыльях ангелов.....	834
<i>Важное, но несущественное</i>	836
<i>Дилемма пацифиста</i>	843
<i>Левиафан</i>	845
<i>Мирная торговля</i>	847
<i>Феминизация</i>	850
<i>Расширяющийся круг</i>	855
<i>Эскалатор разума</i>	856
В ЗАКЛЮЧЕНИЕ	859
ПРИМЕЧАНИЯ	865
БИБЛИОГРАФИЯ	907
ПРЕДМЕТНО-ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	937
ОБ АВТОРЕ	951

Предисловие к русскому изданию

Бессмертное солнце ума

Стивен Пинкер, автор книги «Лучшее в нас», — канадский ученый, нейробиолог, лингвист и дважды лауреат Пулитцеровской премии, просветитель и популяризатор науки. Он учился и работал в Гарварде и Массачусетском технологическом институте. Стивен Пинкер — автор нескольких книг по психолингвистике и когнитивной теории, две из которых — «Как работает мозг» и «Чистый лист. Природа человека. Кто и почему отказывается признавать ее сегодня» — были опубликованы на русском языке. «Лучшее в нас. Почему насилия в мире стало меньше» — его *magnum opus*, написанный в 2011 году, — приходит к русскоязычному читателю сегодня. Объемом, размахом и, не побоимся сказать, авторской самоуверенностью труд этот неуловимо напоминает «Войну и мир». В одном из эпизодов толстовской эпопеи молодой граф Ростов требует у управляющего «счета всего». Автор «Лучшего в нас» читателю эти самые «счета всего» представляет: книга полна графиков, диаграмм, числовых таблиц, оперирует огромным статистическим материалом. Один список использованной литературы образует хороший университетский курс социальных наук и истории.

О чем эта книга?

Это исторический обзор факторов, способствующих снижению насилия, с объяснением причин их появления и описанием их действия во времени. Автор рассматривает всю человеческую историю под этим углом, а затем вычленяет тех «лучших ангелов», из-за которых насилие снижается, так же как и тех темных демонов, которые заставляют человека применять насилие к себе подобным.

Эта книга, пишет автор, родилась, как многое хорошее в наше время рождается, из дискуссий на форуме, где он задал вопрос своим коллегам: какая, по вашему мнению, самая недооцененная тенденция нашего времени? Проще говоря, что происходит важного, на что мы не обращаем внимания? Ему стали приходиться ответы, из которых следовало, что тенденция,

которую мы не видим, процесс, которого мы не замечаем, — это глобальное снижение насилия.

Стивен Пинкер ставит себя в невыгодное положение, стремясь доказать тезис, выглядящий в наше время идеалистическим или прямо нелепым. Пророки апокалипсиса всегда в цене: падение нравов и моральный регресс всякий может наблюдать на примере соседа (но никогда — самого себя), и непосредственный опыт подсказывает каждому из нас, что раньше трава была гуще, чаща чище, а все дороги вели в Изумрудный город. Но певцы прогресса перестали быть популярны с тех пор, как ушла эпоха Просвещения и потускнел культ Разума. Пытающийся доказать, что человечество с веками становится все гуманней, а нравы все мягче, выглядит как проповедник теории вечного мира из салона Анны Павловны Шерер (все читатели соглашались с юным Пьером, что «план вечного мира есть химера»).

Однако книга Пинкера как раз об этом — на огромном и разнообразном статистическом материале автор доказывает, что во всех сферах человеческой деятельности за последние 2500 лет радикально снизился уровень насилия. Это касается как нравов войны, так и числа убийств в частной жизни, судебной пытки, пенитенциарных нравов, обращения с детьми, отношения к женщинам, сексуальным и этническим меньшинствам, животным. Пинкер как нейропсихолог отвергает тезис, что насилие составляет биологическую потребность нашего вида. Он считает, что человеку свойственно сотрудничество, что мы — социальные животные, и инстинкт подсказывает нам преимущество взаимопомощи перед насильственной конкуренцией.

Пинкер выделяет пять исторических сил, снижающих уровень насилия. Собственно, нижеследующее есть развернутое изложение известного пушкинского тезиса «лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насильственных потрясений»:

Левиафан — появление современных национальных государств, монополизировавших насилие в рамках правоохранительной и правоприменительной системы.

Торговля — технологический прогресс, сделавший возможным обмен товарами на расстоянии, благодаря чему живой покупатель стоит дороже, чем вражеский труп.

Феминизация — рост уважения к интересам и ценностям женщин.

Глобализация и космополитизм — грамотность, мобильность и медиа, расширяющие круг наших симпатий к людям, непохожим на нас.

Рационализация, власть рассудка — применение научных и рациональных подходов к решению проблем, что позволяет осознать неэффективность замкнутого круга насилия и ценность кооперации.

Тезис о глобальной и устойчивой тенденции к снижению насилия парадоксальным образом возмущает наше нравственное чувство: он звучит как обесценивание людских страданий, новости о которых ежеминутно поставляют нам информационное пространство, как призыв к самоуспокоению и социальному квиетизму. Он, кажется, легко опровергаем любой ежеминутно приходящей новостью: информационное пространство полно описанием, и каждое кажется нам возмутительным, невиданным и, что хуже, неизбежным предвестником еще более ужасной череды зол и бедствий. На самом деле и изобилие такого рода новостей, и наше ими возмущение суть не опровержения, а подтверждения центральной мысли этой книги.

Есть общий закон: когда социум начинает избывать некое зло, его в публичном пространстве становится больше, потому что на него обращают внимание. Общераспространенное, общепринятое зло не замечается. Мы обращаем внимание — обычно с возмущением — на те социальные практики, которые или уходят, или нарождаются (конечно, всегда есть риск перепутать одно с другим).

Именно исходя из тенденции снижения насилия и повышения цены жизни человеческой те плохие новости о насилии, репрессиях, смертях, которые мы видим, поражают нас гораздо сильнее, чем они поражали наших равнодушных предков, привыкших к высокой смертности вокруг себя.

Мы воспитаны в убеждении, что XX век был самым кровавым во всей истории человечества, что его урок — варварство всегда рядом, слой цивилизации тонок и хрупок, ничто не предохраняет нас от быстрого и радикального одичания. При всем уважении к исследованиям о банальности зла, с их выводом «палачом может сделаться любой», они заслоняют от нас банальность добра — тот факт, что само наше возмущение ужасами войны есть плод гуманности, выращенной неуклонно прогрессирующей цивилизацией. Выясняется, что по проценту убыли мужского населения самой кровопролитной была не Вторая мировая, а гражданская война в Англии XVII века. А что такое в нашем представлении английская гражданская война? Кавалеры, пуритане-«железнобокие», неподкупный Кромвель, шпаги, кружевные рукава — сплошная романтика. Этнические чистки кажутся нам изобретением XX века, а на самом деле многовековая тотальная резня на границах Европы или на необозримых пространствах Средней Азии и Китая просто находилась за пределами наших познаний. В этом смысле приведенные в книге таблицы выстраивающие вооруженные конфликты по количеству людских потерь, — поучительное чтение.

Даже те черты современных конфликтов, которые кажутся нам наиболее отвратительными, — использование детей, игра «чей первый труп, тот и прав» и «кто первый выстрелил, тот и проиграл», сознательная работа

на телевизионную картинку, размывание самого понятия «мирное население» — суть тоже извращенные плоды гуманистического прогресса. Условный террорист, умножающий жертвы среди своих, чтобы поставить противника в морально невыгодную позицию, рассчитывает на зрителей глобального ютьюба, которым жалко чужих женщин и детей. Этот гуманный зритель — гражданин гуманного мира и плод его цивилизации.

Увы, тот процесс снижения роли насилия в делах человеческих, о котором пишет Пинкер, не является, по его собственным словам, ни линейным, ни непрерывным. Он касается преимущественно Европы и Северной Америки, и даже в пределах Первого мира всегда есть шанс провалиться в локальную историческую дыру, где вас радостно встретит XIII век, «Игра престолов» и прочий солнечный Арканар. Тенденции это не переменит — через исторически ничтожный срок и это окказиональное безобразие смоеет великая река прогресса, разве что не каждый сможет до этого момента дожить. Но книгу почитать тем более стоит — она распространяет редкий в наше время исторический оптимизм.

Перевод, как известно, самый глубокий вид чтения. По той же логике, научное редактирование перевода — способ погрузиться в текст на глубину следующего уровня. Научный редактор этой без преувеличения гигантской книги не рассчитывает, что текст удалось сделать безупречным или хотя бы избавить от тех необъяснимо очевидных ошибок, традиционно ускользающих от последовательных редакторских и корректорских просмотров, — кажется, их охраняет особый книжный демон, родственник тех домовых, которые в обычное время бесследно прячут вещи, только что бывшие у вас в руках. Но редактор рассчитывает, что читатель получит от этой книги то же бескорыстное удовольствие и ту же вполне осязаемую образовательную пользу, которую удалось получить от работы над ней. Редактор признается, что только в процессе работы смог твердо постичь разницу между средним и медианным, а также приблизиться к пониманию того, что такое случайное распределение.

Что, может быть, еще важнее: эта книга проникнута уважением к человечеству — его неугасимому творческому духу, его не знающему преград разуму, его фундаментальному стремлению к добру. Идеологически и стилистически Стивен Пинкер близок не столько к современным образцам жанра просветительского нон-фикшна и эдьютейнмента (при всем уважении к ним), сколько к знакомой нам по детскому чтению просветительской литературе советских шестидесятых. Хотя Пинкер пишет вовсе не для юной аудитории, интенция просвещения, почтение к науке, гуманистическая рациональность вызывают в памяти книги вроде «Как человек стал великаном», или энциклопедию «Что такое? Кто такой?», или переводную «Радость

познания», или те популяризаторские труды о ботанике, физике или математике, которые оставались в памяти читателя, не собиравшегося становиться ни ботаником, ни физиком, благодаря той бесконечно обаятельной интонации, с которой говорят только о том, что дорого и интересно, о чем хочется рассказать не с целью обучения и воспитания, а чтобы поделиться бесконечной радостью познания.

Наслаждение разума, осознающего себя в упражнении своих растущих сил, было в этих книгах ключевым стилеобразующим мотивом. В отличие от советских просветителей, тема Пинкера — не победа человека над природой, не овладение материей, а победа над самим собой, над темными демонами насилия, дикости, бессмысленного разрушения. Стивен Пинкер — рыцарь Просвещения, он оперирует его идеологическим аппаратом и его словарем — прогресса, разума, труда, сознательного последовательного улучшения жизни. В публичном пространстве, заполненном мрачной конспирологией, разнообразными формами мистицизма и теми настроениями, которые в прошлом веке назывались упадническими, это производит освежающее впечатление внезапно распахнутой двери, через которую врывается дезинфицирующий солнечный свет. Да здравствует солнце, да скроется тьма!

*Екатерина Шульман,
Москва, август 2020 г.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга посвящена самому, может быть, важному процессу в человеческой истории. Хотите — верьте, хотите — нет, и я знаю, что большинство не поверит, но, если рассматривать дело в долгосрочной перспективе, уровень насилия в мире снижается, и, похоже, мы сегодня живем в самую мирную эпоху за все время существования нашего вида. Конечно, снижение это не всегда шло гладко, не свело насилие к нулю и нет никаких гарантий, что так будет продолжаться и дальше. И все-таки это явное достижение, которое прослеживается на различных временных отрезках — от тысячелетий до отдельных лет — и в различных сферах — от ведения войн до наказания детей.

Отказ от насилия затронул все стороны жизни. Обыденность выглядит совершенно по-другому, когда приходится постоянно беспокоиться об угрозе похищения, изнасилования, убийства; и весьма трудно развивать современное искусство, науку или торговлю, если поддерживающие их общественные институты громятся и уничтожаются с той же скоростью, что и создаются.

Историческая траектория насилия влияет не только на то, как мы проживаем свою жизнь, но и на то, как мы ее понимаем. К худу или к добру привели нас в итоге многовековые усилия человечества — краеугольный вопрос для ощущения смысла и цели существования. Как, например, оценивать «современность» с ее разрушением семьи, рода, традиций и религии силами индивидуализма, космополитизма, рационального подхода и науки? Очень многое зависит от того, как мы воспринимаем последствия этих преобразований: видим ли мы наш мир как кошмар преступности, терроризма, геноцидов и войн или как благословенный по историческим стандартам период с беспрецедентно высоким уровнем мирного сосуществования.

Кроме того, вопрос, куда на самом деле направлен вектор насилия — вверх или вниз, тесно связан с концепцией человеческой природы. Хотя биологические теории природы человека часто ассоциируются с фатализмом в отношении насилия, а идея разума как чистого листа считается

прогрессивной, я думаю, что дело обстоит ровно наоборот. Как нам следует оценивать первобытную жизнь на заре времен, в начале истории нашего вида? Убеждение, что уровень насилия с тех пор вырос, предполагает, что мир, который мы создали, непоправимо испортил нас. Мнение, что этот уровень снизился, предполагает, что хоть начали мы довольно мерзко, но все же, благодаря цивилизации, движемся в нужном направлении и можем надеяться на продолжение этого тренда.

Это толстая книга, но она и должна быть такой. Сначала мне предстоит убедить вас, что насилие действительно убывает на протяжении нашей истории, зная, что эта идея вызывает скептицизм, недоверие, а иногда и раздражение. Особенности нашего мышления вынуждают нас верить, что мы живем в жестокие времена, тем более когда СМИ щекочут нервы, следуя девизу: «Новость, где льется кровь, идет первой!» Человеческий мозг оценивает вероятность события тем выше, чем легче на ум приходят соответствующие примеры, а сцены кровавых побоищ проникают в наше сознание чаще и откладываются в памяти лучше, чем кадры, на которых люди умирают от старости¹. И неважно, насколько низкой является доля насильственных смертей, в абсолютных цифрах их всегда достаточно, чтобы заполнить вечерние новости, поэтому интуитивные оценки уровня насилия далеки от реальных пропорций.

Психология морали также обманывает наше чувство опасности. Никто и никогда не сможет мобилизовать волонтеров, сообщая, что дела идут все лучше, потому и гонцов, приносящих хорошие новости, просят попридерживать язык, чтобы не внушать людям чувство необоснованного оптимизма. Кроме того, в интеллектуальных кругах отказываются признавать, что в цивилизации, современности и в западном обществе вообще есть хоть что-нибудь хорошее. Но, возможно, иллюзию вечно царящего насилия питает одна из тех сил, что и привели к его спаду. Жестокость идет на убыль одновременно со снижением терпимости к насилию и к его воспеванию, и часто именно смена мировоззрения становится ведущей силой изменений. По сравнению с массовыми зверствами прошлого смертельная инъекция убийце в Техасе или единичные преступления на почве ненависти к представителям этнических меньшинств не такие уж шокирующие вещи. Но сегодня они воспринимаются как свидетельство нашего глубокого падения, а не как признак повышения моральных стандартов.

Бросая вызов предрассудкам, мне придется убеждать вас с цифрами в руках — я буду по крупицам собирать их из различных источников и всячески иллюстрировать. Каждый раз я буду объяснять, откуда цифры взяты и каким образом они складываются в единую картину. Я ставлю перед собой задачу объяснить снижение насилия на разных уровнях: в семье, в жилых

районах, между кланами и другими вооруженными группировками, среди больших наций и государств. В истории насилия на каждом уровне детализации прослеживается свой вектор развития, и каждый достоин отдельной книги. Но меня не перестает удивлять глобальная тенденция к его уменьшению, очевидная на сегодняшний день. Поэтому для поиска ответов на вопросы, когда, как и почему произошли все эти изменения, лучше собрать их под одной обложкой.

Разнообразные виды насилия демонстрируют общую тенденцию — вряд ли это может быть простым совпадением. Факты требуют объяснений. Соблазнительно пересмотреть историю насилия с точки зрения морали — как героическую сагу о борьбе добра со злом, но я выбрал другой ракурс. Мой подход в широком смысле научный: он сводится к поиску объяснений, почему так происходит. Иногда выясняется, что в каком-то конкретном вопросе росту миролюбия способствовали проповедники моральных ценностей и их деятельность. А иногда объяснение более прозаическое — вроде изменений в технологиях, управлении, торговых отношениях и в познании. Рассматривать спад насилия в качестве неудержимого двигателя прогресса, который возносит нас к идеальному миру точки Омега*, тоже не стоит. Это совокупность статистических трендов в поведении групп людей в различные периоды времени, и поэтому его необходимо рассматривать с позиций психологии и истории — того, как разум человека справляется с изменяющимися обстоятельствами.

Значительная часть книги посвящена исследованию психологии насилия и ненасилия. Модель сознания, к которой я буду обращаться, — это синтез когнитивистики, аффективной и когнитивной нейронауки, социальной и эволюционной психологии и других наук о человеческой природе, которые я анализировал в книгах «Как работает мозг» (How the Mind Works), «Чистый лист» (The Blank Slate) и «Субстанция мышления» (The Stuff of Thought). Согласно такому толкованию, сознание — это комплексная система когнитивных и эмоциональных способностей, интегрированных в мозг, который обязан своей базовой конструкцией процессам эволюции. Некоторые из этих способностей склоняют нас к различным видам насилия. Другие — говоря словами Авраама Линкольна, «добрые ангелы нашей души» — настраивают на мир и сотрудничество. Объяснить спад насилия можно, определив, какие изменения в культурной и материальной среде помогли миролюбивой части нашего сознания одержать верх.

---

* Точка Омега — термин, введенный французским философом и теологом Пьером Тейяром де Шарденом (1881–1955) для обозначения состояния наиболее организованной сложности и наивысшего сознания, к которому эволюционирует Вселенная. — *Прим. пер.*

И наконец, мне нужно будет показать связь истории и психологии. В человеческих делах все взаимосвязано, и особенно верно это в отношении насилия. Всегда и повсюду более мирные сообщества обычно оказываются более богатыми, более жизнеспособными, более образованными, обладающими лучшей системой правления. Они с большим уважением относятся к женщинам и чаще преуспевают в торговле. Трудно сказать, какое из этих счастливых качеств запустило колесо добродетели, а какое просто прокатилось на нем за компанию, и было бы заманчиво согласиться с ничем не объясняющей рекурсией вроде «уровень насилия снизился, потому что культура стала менее жестокой». Социологи различают эндогенные переменные — они находятся внутри системы, где на них может влиять тот самый феномен, который они призваны объяснить, и экзогенные — те, что приводятся в движение внешними силами. Экзогенные силы могут брать начало в объективной реальности — в изменениях технологий, демографии, механизмов коммерции и управления. Но еще они могут зарождаться в реальности интеллектуальной, по мере того как новые идеи возникают, распространяются и начинают собственную жизнь. Лучшее объяснение любых исторических изменений — то, которое идентифицирует подтолкнувшее их внешнее воздействие. Максимально придерживаясь фактов, я попытаюсь определить экзогенные силы, которые в разные периоды времени по-разному взаимодействовали с нашими умственными способностями и которые могут быть определены в качестве причин спада насилия.

Исследования, которые проливают свет на эти вопросы, складываются в эту книгу — такую объемную, что краткое изложение основных выводов прямо в предисловии ее не испортит. «Добрые ангелы нашей души» — это рассказ о шести тенденциях, пяти внутренних демонах и пяти исторических силах.

Шесть тенденций (главы 2–7). Чтобы показать связь разнообразных изменений, которые заставляют нас отказываться от насилия, я объединил их в шесть основных тенденций.

Первой из них стал начавшийся около 5000 лет назад и растянувшийся на несколько тысячелетий переход от анархии в группах охотников и собирателей, в условиях которой наш вид просуществовал большую часть своей эволюционной истории, к первым земледельческим цивилизациям с городами и правительствами. С этим переходом связано снижение количества набегов и усобиц, свойственных первобытным обществам, и примерно пятикратное уменьшение количества насильственных смертей. Я называю это наступление мира Процессом усмирения.

Второй переход занял более 500 лет и хорошо задокументирован в Европе. В период между поздним Средневековьем и XX в. количество убийств в европейских странах сократилось в 10–50 раз. Социолог Норберт Элиас в ставшей классической книге «О процессе цивилизации» утверждает, что причиной этого удивительного сокращения стало объединение мелких феодалных владений в крупные королевства с централизованной властью и торговой инфраструктурой. Вслед за ним я называю этот тренд Цивилизационным процессом.

Третья трансформация длилась несколько столетий и началась во времена рационализма и европейского Просвещения в XVII–XVIII вв. (хотя у нее были предвестники в Древней Греции и в период Ренессанса, а также аналоги в других частях света). В это время появились первые организованные движения за отмену таких социально одобряемых форм насилия, как деспотизм, рабство, дуэли, пытки в судебных процессах, убийства из суеверия, жестокие казни и жестокое обращение с животными, а также первые ласточки организованного пацифизма. Историки иногда называют этот переход Гуманитарной революцией.

Четвертый важный переход состоялся по окончании Второй мировой войны. Две трети столетия спустя мы становимся свидетелями исторически беспрецедентных изменений: могущественные державы и развитые государства в целом перестали воевать между собой. Историки называют это благословенное положение дел Долгим миром².

Пятая тенденция тоже имеет отношение к вооруженным конфликтам, однако не так очевидна. Возможно, читателям новостей будет трудно в это поверить, но со времени окончания холодной войны в 1989 г. число организованных столкновений всех видов — гражданских войн, геноцидов, террористических атак и репрессий со стороны авторитарных режимов — уменьшилось по всему миру. Поскольку это новое положение дел пока не выглядит устойчивым, я буду называть его Новым миром.

И наконец, в послевоенную эпоху, символом начала которой стало принятие Всеобщей декларации прав человека в 1948 г., мы наблюдаем растущее неприятие агрессии меньших масштабов, включая насилие в отношении этнических меньшинств, женщин, детей, гомосексуалов и животных. Эти логические следствия идеи прав человека — гражданские права, права женщин и детей, ЛГБТ и животных — защищает целый ряд общественных движений начиная с 1950-х гг. до сегодняшнего дня. Я называю это революциями прав.

Пять внутренних демонов (глава 8). Многие люди интуитивно придерживаются гидравлической теории насилия, думая, будто человеку

свойственно внутреннее стремление к агрессии (инстинкт смерти или жажда крови), которое накапливается в нас и которое необходимо периодически выпускать. Современная наука понимает психологию насилия иначе. Агрессия не единый мотив и уж тем более не нарастающий позыв. Это результат работы нескольких психологических систем, различающихся по запускаящим их внешним воздействиям, внутренней логике, нейробиологическим основам и распределению среди различных слоев общества. Глава 8 посвящена объяснению пяти таких систем. *Хищническое* или *инструментальное насилие* — простое средство достижения цели. *Доминирование* — стремление к влиянию, престижу, славе и власти, принимает ли оно форму махизма в отношениях между отдельными людьми или превращается в соревнование за превосходство среди расовых, этнических, религиозных сообществ или государств. *Месть* подогревается моральным стремлением к справедливости, наказанию и расплате. *Садизм* — удовольствие от страданий другого. И *идеология* — коллективная система убеждений, обычно включающая утопическое видение будущего, которое оправдывает неограниченное насилие ради неограниченного блага.

Четыре добрых ангела (глава 9). Люди по природе своей не добры (хотя и не злы), но наделены побуждениями, которые могут направить их от насилия к сотрудничеству и альтруизму. *Эмпатия* (сочувствующее сопереживание) одаривает нас возможностью чувствовать чужую боль и учитывать не только свои интересы, но и интересы других людей. *Самоконтроль* позволяет нам предвосхищать последствия импульсивных действий и подавлять их. *Моральное чувство* освящает множество норм и табу, регулирующих взаимодействия между людьми внутри культуры, иногда уменьшая уровень насилия, хотя зачастую (когда это племенные, авторитарные или пуританские нормы) увеличивая его. И способность *рассуждать* позволяет нам освободиться от ограниченной точки зрения, раздумывать о нашем образе жизни, искать способы улучшить его и направлять действия других добрых ангелов нашей души. Я также кратко рассмотрю вероятность, что в Новейшей истории *Homo sapiens* буквально эволюционировали в сторону меньшей жестокости в конкретном биологическом смысле изменений генома. Но основной предмет моего исследования — изменения, случившиеся во внешней среде: исторические обстоятельства, которые по-разному взаимодействуют с неизменной человеческой природой.

Пять исторических сил (глава 10). В последней части я попытаюсь снова соединить историю и психологию, определив экзогенные силы, которые

благоприятствуют нашим миролюбивым стремлениям и приводят к многократному снижению уровня насилия.

Левиафан — государство и его судебная система с монополией на законное применение силы — может ослабить искушение насилия во имя насилия, подавить мстительные побуждения и обойти ошибки эгоистичности (self-serving biases), которые заставляют каждую из конфликтующих сторон верить, что именно она действует с позиций добра. *Торговля* — игра с положительной суммой, выиграть в которой могут все; по мере того как технический прогресс делает возможным обмен товарами и идеями на больших расстояниях между большим количеством участников, ценность других людей выше, пока они живы, и их реже подвергают демонизации и дегуманизации. *Феминизация* — это процесс, в котором культуры со все большим уважением начинают относиться к интересам и ценностям женщин. Так как насилие по большей части мужская прерогатива, культуры, которые наделяют женщин властью, обычно отказываются от прославления насилия и реже порождают опасные субкультуры неприкаянной молодежи. Силы *космополитизма* — грамотность, мобильность, средства массовой информации — позволяют нам принимать точку зрения других, непохожих на нас людей и расширять наш круг сочувствия, чтобы включить их всех. Наконец, знания и рациональность, которые все чаще применяются для улучшения условий человеческого существования, — *эскалатор разума* — заставляют осознать бессмысленность циклов насилия, постепенно ограничить предпочтение собственных интересов интересам других и начать относиться к насилию как к проблеме, которую нужно решить, а не как к соревнованию, в котором надо выиграть.

Когда узнаешь о спаде насилия, мир меняется. Прошлое выглядит не столь невинным, настоящее не столь зловещим. Начинаешь ценить маленькие радости совместного существования, которые показались бы утопией нашим предкам: в парке играет семья, члены которой принадлежат к разным расам, сатирик безнаказанно осыпает остротами главнокомандующего, страны мирно выходят из кризиса, вместо того чтобы развязать войну. И это не беспечность: мы наслаждаемся сегодняшним миром, потому что предшествующие поколения в свое время ужасались насилию и старались снизить его, и нам тоже следует работать над уменьшением сохраняющихся видов насилия. Более того, только признав, что уровень насилия падает, мы можем убедиться, что наша борьба стоит усилий. Бесчеловечное отношение к человеку долго было предметом рассуждений в категориях морали. Зная, что какие-то факторы способствуют его снижению, мы можем рассуждать о нем в терминах причины и следствия. Вместо того чтобы спрашивать: «Почему разразилась война?», мы можем

поинтересоваться: «Почему наступил мир?» Мы можем не только мучить себя вопросом, что мы делаем не так, но и разглядеть, что мы делаем правильно. Потому что мы явно что-то делаем правильно, и хорошо было бы точно знать, что именно.

Меня часто спрашивали, как случилось, что я заинтересовался анализом насилия. Я не делаю из этого секрета: насилие естественным образом вызывает озабоченность любого, кто изучает природу человека. Впервые я узнал о спаде насилия, прочитав «Убийство» (Homicide) — классический труд по эволюционной психологии, в котором Марго Уилсон и Мартин Дэйли исследовали высокий уровень насильственных смертей в негосударственных обществах и уменьшение их числа в период от Средневековья до наших дней. В предыдущих своих книгах я обсуждал эти нисходящие тенденции вместе с такими гуманистическими достижениями в истории Запада, как отказ от рабства, деспотизма и жестоких казней, в подтверждение идеи, что моральный прогресс вполне совместим с биологическим подходом к разуму человека и с признанием темной стороны человеческой природы³. Я упомянул эти сведения, отвечая в 2007 г. на вопрос форума www.edge.org: «Что вселяет в вас оптимизм?» Моя провокация вызвала шквал писем от ученых, специализирующихся на исторической криминологии и международных исследованиях, которые рассказали мне, что свидетельства в пользу исторического снижения насилия гораздо богаче, чем я себе представлял⁴. Именно они убедили меня, что этот недооцененный материал ждет своего рассказчика.

В первую очередь я хочу выразить глубокую благодарность следующим ученым: Азару Гату, Джошуа Гольдштейну, Мануэлю Эйснеру, Эндрю Маку, Джону Мюллеру и Джону Картеру Вуду. В процессе работы над книгой я многое почерпнул из переписки с Питером Бреке, Тарой Купер, Джеком Леви, Джемсом Пейном и Рэндольфом Ротом. Эти исследователи щедро делились идеями, текстами и данными и любезно направляли меня в научных областях, далеких от моей специализации.

Дэвид Басс, Мартин Дэйли, Ребекка Ньюбергер Гольдштейн, Дэвид Хэйг, Джемс Пейн, Рослин Пинкер, Дженнифер Шихи-Скеффингтон и Полли Висснер прочли большую часть черного варианта книги и предложили весьма полезные советы и критику. Комментарии к конкретным главам, предложенные Питером Бреком, Даниэлем Широ, Аланом Фиске, Джонатаном Готтшеллом, А. С. Грейлингом, Нилом Фергюсоном, Грэмом Гаррардом, Джошуа Гольдштейном, Джеком Хобаном, Стивенем Лебланом, Джеком Леви, Эндрю Маком, Джоном Мюллером, Чарльзом Сейфе, Джимом Сиданиусом, Майклом Спагатом, Ричардом Рэнгемом и Джоном Картером Вудом, также были бесценны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru